

Новый германский вопрос

Сегодня вопрос состоит в том, достаточно ли велика Германия для Европы, и не только объективно, но и субъективно — по своему духу и стратегическому воображению

Тимоти Гартон Эш

Сегодня впору говорить о новом германском вопросе, суть которого в следующем: сможет ли самая могущественная страна Европы сыграть ведущую роль в формировании устойчивой и конкурентоспособной еврозоны и одновременно сильного и влиятельного Европейского союза? Трудности, которые мешают Германии убедительно ответить на этот вызов, являются отчасти следствием более ранних версий германского вопроса и ответов, которые были на них даны. Из вчерашних ответов и вырос новый, сегодняшний вопрос.

Но прежде чем приступить к рассмотрению этих уходящих в историю корней, давайте вспомним все то, что не имеет отношения к новому германскому вопросу.

Итак, через двадцать три года после объединения территориально расширившаяся Федеративная Республика Германия представляет собой, может быть, самую прочную буржуазно-либеральную демократию из существующих на планете. Она не только осилила огромные расходы на объединение страны, но и провела после 2003 года серьезные экономические реформы, снизив на основе консенсуса затраты на рабочую силу и тем самым восстановив свою конкурентоспособность на мировом рынке.

Германия — цивилизованная, свободная, процветающая, законопослушная, умеренная

и осторожная страна. Ее многочисленные добродетели можно подытожить двумя словами: «банальность добра». Однажды на вопрос таблоида *BILD-Zeitung* о том, какие чувства пробуждаются в ней при слове «Германия», Ангела Меркель дала примечательный ответ: «Мне приходят на ум плотно закрывающиеся окна! Ни одна другая страна не может производить столь плотно закрывающиеся и красивые окна» [*dichte und schöne Fenster*] ¹. Между тем страна не так уж и банальна. Открывая плотно закрывающееся окно своего номера в берлинском отеле, я устремляю свой взгляд за Унтер-ден-Линден на освещенный, просвечивающий купол Рейхстага, расположенного в самом сердце этого города, который сейчас стал самым впечатляющим — после Лондона — городом Европы ².

Мой израильский друг, принявший немецкое гражданство, охарактеризовал мне Германию как «сбалансированную» страну, и это кажется абсолютно точной оценкой. Левый французский политик Жан-Люк Меланшон наделал много шума, когда сказал, что «среди тех, кто имеет вкус к жизни, никто не хотел бы быть немцем» ³. Но в таком случае людей, у которых нет вкуса к жизни, должно быть очень много, потому что по данным опроса, проведенного Би-би-си в двадцати пяти странах, Германия — самая популярная страна в мире, на десять баллов опережающая Францию по этому показателю ⁴.

Конечно, у нее есть свои слабости и свои проблемы — а у кого их нет? Например, насе-

ПЕРЕВОД СТАТЬИ ТИМОТИ ГАРТОНА ЭША (TIMOTHY GARTON ASH) "THE NEW GERMAN QUESTION", ОПУБЛИКОВАННОЙ В ЖУРНАЛЕ THE NEW YORK REVIEW OF BOOKS (VOL. 60, NO 13, AUG. 15, 2013) © 2013, THE NEW YORK REVIEW OF BOOKS (DISTRIBUTED BY THE NEW YORK TIMES SYNDICATE). ПУБЛИКУЕТСЯ С ЛЮБЕЗНОГО РАЗРЕШЕНИЯ THE NEW YORK REVIEW OF BOOKS И THE NEW YORK TIMES SYNDICATE

ление Германии быстро стареет. Печально, но если нынешняя тенденция не переломится, то к 2030 году на каждого пенсионера будет приходиться чуть больше одного работающего. При отсутствии иммиграции население Германии, в настоящее время превышающее 80 млн, к 2050-му может сократиться до 60 млн человек. Поэтому иммиграция является важнейшим способом решения демографической проблемы в Германии, но здесь она заметно уступает Франции и Великобритании, не говоря уже о Канаде и Соединенных Штатах. Она меньше, чем они, подает жизненно важных, пусть и несколько расплывчатых, социальных и культурных сигналов, позволяющих иммигрантам отождествить себя со своей новой родиной⁵.

После принятия — под влиянием катастрофы на японской АЭС в Фукусиме — иррационального, близорукое политического решения отказаться от собственной программы развития ядерной энергетики и полагаться в основном на уголь и газ, промышленные цены на электроэнергию в Германии установились на отметке, которая на 40 проц. выше, чем во Франции. Ее экономика блестяще справляется с производством товаров, которые такие страны, как Китай, хотели бы покупать (в частности, это автомобили, станки, химикаты), но в сфере услуг она слабее. Немецким компаниям нет равных по внедрению технологических усовершенствований, но они далеко не столь успешны в области так называемых прорывных инноваций, какие можно видеть в Силиконовой долине. В стране, которая еще в XIX веке, можно сказать, изобрела современный исследовательский университет, много очень хороших университетов, но нет ни одного университета мирового класса, способного конкурировать с Оксфордом или Стэнфордом. Берлин может похвастаться восхитительным кафе «Эйнштейн», но с 1930-х эйнштейны всего мира предпочитают работать в других странах.

Если эти слабости в конечном счете приведут к экономическому упадку, то внутренний германский вопрос может стать вновь актуальным. Хорошо сбалансированная либеральная стабильность Германии и ее национальная идентичность опираются на ее хозяйственную мощь. Нельзя полностью исключить возможность того, что в случае экономических трудностей мы можем снова стать свидетелями возрождения культурного пессимизма, политического экстремизма и того, что теннисист Борис Беккер как-то в разговоре определил как способность его соотечественников легко «терять голову и рассудок» (*to flip their top*). Однако для нынешних Соединенных Штатов характерна еще более истеричная форма такой «способности», чем для Германии, — поистине, довольно для каждого дня своих германских вопросов⁶.

Что касается глобальной экономической конкуренции, немецкие компании — при систематической и искусной поддержке правительства — действуют столь же жестко и организованно, как, бывало, действовали немецкие части на фронте. Однако в геополитическом плане эта Германия не проявляет ни малейших амбиций в стиле Вильгельма и стремления доминировать над соседями или над кем-то еще. Единственное «место под солнцем», на которое претендуют ее граждане, это средиземноморские пляжи. А из боевых побед она празднует только победы на футбольных полях, и ее игра стала столь совершенна, что, в конце концов, Германии приходится сражаться с самой собой. Ведь в этом году в финале Лиги европейских чемпионов в Лондоне встретились две немецкие команды: мюнхенская «Бавария» и дортмундская «Боруссия».

Во времена воссоединения Германии существовали опасения, что она будет доминировать в новой *Mittleuropa*. В экономическом плане Германия теперь действительно занимает главенствующее положение

ние в Центральной и Восточной Европе (ЦВЕ). Немецкие производители, такие как *Volkswagen*, перенесли важные компоненты своих производств в другие страны, чтобы использовать преимущества ЦВЕ — низкий уровень оплаты труда, высококвалифицированную рабочую силу, — не выходя при этом за пределы ЕС. Если взять четыре страны Вышеградской группы — Польшу, Венгрию, Чехию и Словакию — как одно целое, то они теперь крупнейший торговый партнер Германии. Но эта новая *Mittleuropa* была создана по взаимному согласию — славяне,

новый союз. Да, планы введения в дополнение к единому рынку еще и единой валюты уже существовали, и канцлер Гельмут Коль был в принципе «за». Имелись и экономические аргументы в пользу их реализации. Как бы то ни было, теперь мы имеем в спешке созданный валютный союз, некоторые коренные дефекты которого берут начало в политическом маневрировании вокруг объединения двух Германий.

Мы и тогда уже видели все это, но теперь данный исторический эпизод можно дополнить интереснейшими подробностями из

“Европейский валютный союз не был проектом доминирования Германии в Европе, а наоборот, был европейским проектом сдерживания Германии”.

венгры, немцы в большинстве своем полагают, что она отвечает интересам всех сторон. Германо-польские отношения сейчас теплее, чем когда-либо за последнюю тысячу лет, а Польша теперь лучший друг Германии среди стран ЕС. В 2011 году министр иностранных дел Польши Радек Сикорский произнес памятные слова: «Наверное, я первый в истории польский министр иностранных дел, который говорит подобное: я начинаю бояться немецкого бездействия больше, нежели немецкой мощи».

Чтобы понять, почему Германия так неохотно берет на себя роль лидера, следует вспомнить, что Европейский валютный союз, сложившийся в ходе и после объединения Германии, не был проектом доминирования Германии в Европе, а, наоборот, был европейским проектом сдерживания Германии. Ответ президента Франции Франсуа Миттерана и премьер-министра Италии Джулио Андреотти на германский вопрос 1989-го «что нам делать с быстро объединяющейся Германией?» был таким: еще крепче привязать ее к Европе, создав валют-

опубликованных немецких, английских, французских и американских документов. Приведу только один пример. В немецком варианте записи беседы, состоявшейся в декабре 1989 года, в которой Коль рассказывал госсекретарю США Джеймсу Бейкеру о своих попытках развеять европейские опасения по поводу объединения Германии, есть такой эпизод:

«Он [Коль] спросил себя, а что еще мог он сделать, как не внести свой вклад в создание европейского валютного и экономического союза. Он принял это решение [связать себя обязательствами по формированию валютного союза] вопреки экономическим интересам немцев. Например, президент Бундесбанка был против. Но такой шаг был политически важен, поскольку Германия нуждалась в друзьях. Нельзя было допустить, чтобы в Европе снова возникло недоверие к немцам»⁷.

Коль убедительно доказывал, что валютный союз должен быть дополнен финансовым, а вслед за тем и политическим союзом, но Миттеран и Андреотти не хотели ни того, ни другого. Для них идея состояла в том,

чтобы получить контроль над германской валютой, а вовсе не в том, чтобы Германия могла контролировать их национальные бюджеты. И поэтому некоторые из принципиальных дефектов, которые еврозона — валютный союз без взаимного контроля бюджетов, задолженностей и банков — сегодня изо всех сил старается исправить, являются следствием неадекватных решений в период ее образования. Историк Генрих Август Винклер сказал по этому поводу: «Во имя решения — при полном согласии Европы — германского вопроса европейский вопрос пришлось оставить открытым».

Немцев ни разу не спрашивали на референдумах, хотя бы они отказались от немецкой марки, которая символизировала послевоенную западногерманскую идентичность не менее, чем королева олицетворяет Британию. Если бы немцев спросили, наверное, они сказали бы «нет», но могущественный Коль продал свое решение. В первое десятилетие существования евро немцы привыкли к европейской валюте, но так и не научились ее любить. И вряд ли кто-нибудь объяснил им, что именно Германия больше всех выиграла от введения единой валюты, которая существенно улучшила условия для немецкого экспорта как в Европу, так и за ее пределы. По одной из оценок совокупное положительное сальдо немецкой торговли с остальными странами ЕС за годы с момента введения евро в 1999-м до 2011-го составило более 1 трлн долларов⁸.

Потом наступило время расплаты. Все изъяны этого, так и оставшегося «полуфабрикатом», валютного союза предстали во всей своей наготе в разгар финансового кризиса, разразившегося в 2008 году, и последовавшей за ним истерикой на рынках ценных бумаг. Так что остающийся открытым европейский вопрос теперь необходимо решать. И поскольку это вопрос экономики, или, точнее, политической экономии, все взоры

обратились к Германии, которая, благодаря своей традиционной экономической мощи и реформам, проведенным после 2003-го, но также и благодаря евро неоспоримо является ведущей экономической силой Европы.

Германия не стремилась к роли европейского лидера. После 1990 года немцы в большинстве своем были бы вполне счастливы, если бы им удалось справиться с проблемами, возникшими в результате объединения двух Германий, и при этом по-прежнему остаться богатыми и свободными, жить в этаккой Большой Швейцарии с высококачественным экспортом и изобилием отпускных дней на солнечном Средиземноморье. Но вместо этого создание валютного союза, с помощью которого Миттеран намеревался удерживать Францию на водительском сиденье европейского авто, а Германию на пассажирском, привело к противоположному результату: теперь Германия сидит в кресле водителя как никогда прочно. Немцы вдруг обнаружили, что это они платят, чтобы выручить других, и их правительство рекомендует странам, которые сейчас называют странами Южной Европы, что им теперь делать, а именно сократить свои бюджеты, провести структурные реформы и стать похожими на Германию.

Таким образом, Германия, сама того не желая, оказалась в роли общеевропейского школьного учителя (*der Schulmeister in Europa*). Между тем Бисмарк, произнося в 1878-м свою знаменитую речь в Рейхстаге, предостерегал немцев от того, чтобы брать на себя такую роль⁹. Или, с поправкой на сегодняшние реалии, роль общеевропейской школьной учительницы, поскольку место Бисмарка на сей момент занимает дама. И что же Берлин получил вместо благодарности? На Кипре демонстранты пронесли по улицам плакаты «Меркель — Гитлер», а греки обвинили немцев в том, что они ведут себя словно гауляйтеры. В ходе опроса, проведенного Harris в

июне этого года, 88 проц. респондентов в Испании, 82 в Италии и 56 проц. во Франции заявили, что, по их мнению, влияние Германии на ЕС слишком велико. Однажды Ангела Меркель с горькой усмешкой сказала мне: «Нас одинаково проклинаят и когда мы не берем на себя руководящую роль, и когда берем».

Прагматичный, сдержанный поэтапный подход Меркель отчасти просто отражает особенности ее личности. Но одна из причин сохранения ею высокого уровня популярности среди немцев на протяжении всех этих кризисных лет состоит в том, что на каждом этапе кризиса еврозоны она всякий раз проявляет нежелание делать что-то сверх того, что все равно пришлось бы сделать, а это как раз и отвечает настроениям немецкого народа. Пока что в условиях кризиса еврозоны был сделан только один по-настоящему смелый и решительный шаг, и сделан не Германией, а итальянским президентом Европейского центрального банка Марио Драги, который в июле 2012-го заявил, что банк будет делать «все возможное», чтобы сохранить евро. В результате еврозона выжила, но пока еще не процветает, и особенно это заметно в странах-должниках на юге Европы. Например, в Испании безработица среди молодежи превышает 50 процентов.

Однако теперь для всего Европейского союза, похоже, наступает момент истины. По всему континенту — и на севере, и на юге — наблюдается резкое снижение доверия к ЕС и возникают партии протеста. Между парламентскими выборами в Германии 22 сентября 2013 года и выборами в Европейский парламент, которые назначены на 22 мая 2014-го, пройдет всего восемь месяцев, и за это время надо будет убедить множющиеся легионы евроскептиков, что европейские лидеры, традиционные партии и институты знают, как выйти из тьмы к свету. В противном случае мы получим Европейский парламент,

который будет одновременно и неуправляемым, и заблокированным. В некоторых странах Южной Европы, если их народы не увидят свет в конце того, что многие считают навязанным немцами туннелем, гнев в любой момент может выплеснуться наружу.

Министр иностранных дел Германии Гидо Вестервелле справедливо считает нынешний период решающим в трех отношениях: для доверия к Европе ее собственных граждан, для авторитета Европы в мире и для того, как Европа и весь мир будут смотреть на Германию¹⁰. По чистой случайности этот исторически важный период по времени совпадает со столетней годовщиной начала Первой мировой войны в 1914-м.

Вскоре после мирного объединения Германии в 1989–1990 годы Фриц Штерн достопамятно охарактеризовал это событие как «второй шанс» для Германии. Первый шанс у этой динамичной в экономическом отношении центрально-европейской державы был в годы, предшествующие 1914-му. «Этот век мог бы быть веком Германии», — сказал однажды Штерну Раймон Арон. Она потеряла этот шанс в ходе двух мировых войн и Холокоста. Теперь у нее появился еще один шанс.

Ныне, почти четверть века спустя, можно с уверенностью утверждать, что во внутренних своих делах Германия удачно использовала свой второй шанс. Теперь это «европейская Германия», которой Томас Манн мог бы гордиться¹¹. Однако вовне, в плане формирования нового европейского порядка и решения европейского вопроса, оставшегося открытым при объединении страны, Германии только еще предстоит доказать, что она способна успешно воспользоваться новыми возможностями.

Хотя термин «гегемон» по отношению к Германии широко принят, в сегодняшней Европе эта страна является скорее ведущей, а не доминирующей державой. Это не прямая

гегемония наполеоновской Франции в континентальной Европе и не гегемония США в западном мире после 1945-го. На долю ФРГ приходится всего 16 проц. населения ЕС и 20 проц. его ВВП. Такой «неудобный», промежуточный размер, наряду с центральным географическим положением страны, — постоянная особенность современных германских вопросов. В свое время Генри Киссинджер язвительно заметил, что, Германия «слишком велика для Европы и слишком мала для мира». Между тем сегодня вопрос состоит в том, достаточно ли велика Германия для

Федеративная Республика Германия обладает достаточным потенциалом притягательности, если использовать классическое определение мягкой силы, данное Джозефом Найем. Однако ее все-таки нельзя сравнить с культурной притягательностью страны Гарри Поттера, Дейвида Бекхэма, Королевского шекспировского общества, Би-би-си, англоязычных университетов, в которых учатся студенты со всего мира, королевской семьи, Олимпийских игр в Лондоне и мистера Бина.

Если же говорить об экономической мощи, тут «Германия превыше всех». Да и в отно-

“В плане формирования нового европейского порядка Германии только еще **предстоит доказать**, что она способна успешно воспользоваться новыми возможностями”.

Европы, и не только объективно, но и субъективно — по своему духу и стратегическому воображению.

В отличие от США это государство в Центральной Европе опережает другие только по одному из трех ключевых державных параметров. По ударной мощи своей армии Германия не идет ни в какое сравнение ни с Англией, ни с Францией. Она вроде бы встрепнулась, приняв участие в интервенции в Косово, чтобы предотвратить еще один геноцид со стороны сербов (пока что это, на мой взгляд, один из самых замечательных эпизодов в истории Германии после ее объединения), и позже присоединившись к своим западным союзникам в Афганистане, но затем снова погрузилась в несколько самодовольный пацифизм¹². Главный министр правительства почти пренебрежительно говорил мне о «вполне пристойной» армии своей страны, утверждая, что настоящие войны XXI века будут геоэкономическими.

Что касается мягкой силы, то, как видно из результатов опроса общественного мнения, проведенного Би-би-си в 25 странах,

шении политической мощи тоже. Поэтому в коридорах и кулуарах Брюсселя все обычно выжидают, поглядывая, в какую сторону двинется Берлин. Раньше у европейцев был один патрон — Америка. Теперь их два: Германия и Америка. В поисках немецких ответов на европейский вопрос нельзя пренебречь тремя важными аспектами — экономической политикой, европейскими институтами, призванными контролировать и легитимировать эту политику, и, наконец, последним, но не по важности, аспектом — поэзией, сопровождающей эту экономическую и институциональную прозу, поэзией, которая могла бы вдохновить европейцев на то, чтобы еще раз поверить в мечту по имени Европа.

Расспрашивая немецких политиков и чиновников, я был поражен тем, какая у них точка отсчета. Этой точкой отсчета была не Германия, или Греция, или Италия — ею был Китай. В 2012 году 46 проц. экспорта ЕС в Китай приходилось на товары из Германии. Британия глобализовала свой сектор финансовых услуг, но из всех производственных секторов в Европе самый интернациона-

лизированный — немецкий. От других стран еврозоны мои немецкие собеседники хотят, чтобы те стали сильными, конкурентоспособными, экспортно-ориентированными экономиками — такими, как Германия. В этом и только в этом случае мы получим то, что они называют *Selbstbehauptung Europas* — самоутвердившейся Европой. Европой, которая будет в состоянии постоять за себя в быстро меняющемся мире. Отсюда их жесткое, менторское требование к слабым экономикам еврозоны — провести бюджетную консолидацию и структурные реформы.

он. В частных беседах немецкие чиновники говорят: «Мы должны делать вид, что относимся к Франции как к равному партнеру». Их последняя надежда на экономические реформы во Франции состоит в том, что национальная гордость не позволит французам смириться с относительным упадком своей страны и покровительственным тоном Германии.

Проблема с немецкими рецептами для еврозоны в том, что они — в зависимости от точки зрения — либо не работают вовсе, либо работают недостаточно быстро. Приведу

“Немцы озабочены тем, что из своей зарплаты и накоплений им придется оплачивать ошибки других европейцев, потворствующих своим прихотям”.

Самая большая головная боль Германии — Франция, особенно теперь, при президенте-социалисте Франсуа Олланде. С одной стороны, еще с 1950-х годов Франция — самый важный партнер Германии по европейской интеграции, с другой — она постоянно терпит фиаско с реформами. Как оказать давление на Францию, принуждая ее к проведению реформ, — раздражаются немцы, — если она надежно защищена кредитоспособностью Германии? (Доходы от государственных бумаг во Франции приближаются к немецким показателям, а отнюдь не к испанским или итальянским, по той простой причине, что рынки правильно считают, что Франция будет самой последней средиземноморской страной, которую Германия когда-нибудь отпустит в самостоятельное плавание).

«Видите ли, — сообщил мне один высокопоставленный немецкий политик, — я позволил дочери пользоваться моей кредитной картой, но я проверяю записи ее расходов». Я рискнул развить тему: «А если французская девушка спускает все деньги на красивые модные платья, то...». «Вот именно», — фыркнул

одно простое умозрительное рассуждение. Германию, как чемпиона по экспорту, называют европейским Китаем. Далеко не каждая страна в мире может быть Китаем, и если бы все были как Китай, то тогда сам Китай не мог бы быть Китаем, ибо кто бы тогда покупал экспортируемые им товары? Точно так же не каждая страна в еврозоне могла бы быть Германией, и если предположить нечто крайне маловероятное — что все они станут похожи на Германию, то тогда уже сама Германия не сможет быть Германией. В этом случае пришлось бы предположить, что весь остальной мир вдруг станет с энтузиазмом наращивать внутренний спрос, чтобы поглощать нарастающий поток экспортных товаров из «германизированной» еврозоны.

В конце концов, имеет значение только то, что работает и дает эффект. После выборов Германии предстоит найти такую комбинацию политических мер, которая обеспечила бы каждому в еврозоне то, чего он желает, то есть инвестиции, экономический рост, рабочие места, а следовательно, уменьшение выплат пособий по безработице

и увеличение налоговых поступлений — ведь только таким образом можно будет добиться устойчивого сокращения государственного долга. Но результат, конечно, будет зависеть от глобальных экономических трендов, которые в таких странах, как Китай, не выглядят благоприятными.

Немецкая политическая риторика остается жестко догматичной, и в этом свете немецкая экономика часто выглядит как ветвь моральной философии, а то и вовсе — протестантской теологии. Меркель, дочь протестантского священника из Восточной Германии, как-то неосторожно заметила, что южноевропейским странам-должникам следует «искупить грехи прошлого». Однако реальная политика Берлина более прагматична. Например, в начале этого года Берлин наделил банки, контролируемые государством, полномочиями для создания рабочих мест для безработной молодежи на юге Европы. Шансы на то, что такой конструктивный прагматизм (подразумевающий, в частности, и повышение заработной платы, способное простимулировать немецкий внутренний спрос) восторжествует, — несомненно, возрастут, если в правительство войдут социал-демократы, возможно вступив в «большую коалицию» с христианскими демократами Меркель.

Но даже если руководство страны готово делать все, что представляется необходимым, сможет ли оно повести за собой немецкий народ? Понятно, что немцы озабочены тем, что из своей заработанной тяжким трудом зарплаты и накоплений им придется оплачивать ошибки других европейцев, потворствующих своим прихотям. Я сбился со счета, сколько раз немцы говорили мне: «Когда иностранцы просят нас взять на себя лидерство, они имеют в виду только деньги».

Кроме того, они одержимы страхом инфляции. Один из опросов показал, что инфляции немцы боятся больше, чем забо-

левания раком¹³. И здесь снова возникает призрак прошлого — травмирующая память о двух катастрофических инфляциях после Первой и Второй мировых войн. В оживленной полемике на страницах либерального еженедельника *Die Zeit* корреспондент, специализирующийся на экономической политике, утверждает, что сами немцы неправильно воспринимают как собственное прошлое (ибо тогда была вовсе не инфляция, а дефляция, которая непосредственно предшествовала приходу Гитлера к власти), так и сегодняшние реалии этой опасности¹⁴.

В Германии есть два очень влиятельных учреждения, которые тоже ограничивают возможности решительных действий со стороны любого немецкого правительства. Это, во-первых, Немецкий федеральный банк и, во-вторых, Конституционный суд. Первый сохраняет скептическое отношение к евро еще с тех времен, когда Коль доверительно беседовал с Бейкером в 1989 году. Недавно он довел свои возражения до Конституционного суда Германии. Экспертный свидетель, президент Немецкого федерального банка Йенс Вайдман считает, что способ, с помощью которого Драги спас евро в прошлом году, пообещав так называемые прямые валютные транзакции «аутрайт» [обычные срочные валютные сделки на межбанковском рынке], возможно, не входят в компетенцию Европейского центрального банка. И уже не первый раз вся Европа, затаив дыхание, ожидает очередного вердикта немецкого суда. Здесь мы снова возвращаемся к ответу на еще один германский вопрос, поставленный в 1945-м. Чтобы никакой Гитлер больше не смог прийти к власти в Германии, Федеративная Республика не только была, насколько это возможно, территориально децентрализована, но и получила комплекс институциональных сдержек и противовесов, в том числе очень сильный Конституционный суд. Поэтому государство, от которого сегодня требуют, чтобы

оно взяло на себя роль решительного руководителя, имеет политическую систему, чрезвычайно затрудняющую такое лидерство.

Если Германии вместе с партнерами удастся проводить необходимую экономическую политику, Европе потребуются новая институциональная архитектура и, хотя в еврозоне наиболее остро стоит вопрос о надзоре над национальными бюджетами, возможно, придется изменить и всю структуру ЕС. Сегодняшний Берлин представляет собой строительную площадку; огромные краны и экскаваторы прямо под окнами (к счастью, плотно закрытыми!) моего номера в отеле прокладывают туннель для новой линии метро, а чуть ниже по Унтер-ден-Линден заложен первый камень фундамента, на котором должен быть воссоздан замечательный дворец прусских королей, разрушенный коммунистами Восточной Германии после Второй мировой войны. Берлин является также и интеллектуальной строительной площадкой, на которой разрабатываются альтернативные проекты для Европы, — площадкой, разворачивающейся медленно, подобно гигантским строительным конструкциям. Один приятель показал мне почтовую открытку с надписью: «Европейская Республика — в стадии строительства». Внутрипартийная дискуссионная газета социал-демократов призывает к *ein anderes Europa*, то есть к новой (и лучшей) Европе.

Так появится ли *Bundesrepublik Europa* — Федеративная Республика Европа? Как и другие европейские страны, Германия, безусловно, начинает думать о Европе, глядя на нее сквозь призму собственной конституционной традиции, в то время как французы воображают себе централизованную светскую республику, а британцы мечтают о рыхлом содружестве. «Федеративная» — в немецком смысле — может также означать возвращение полномочий на национальный и государственный уровень, что, конечно, понравится

евроскептикам, и не только английским. Но немцы смотрят на проблему еще шире.

Сама Меркель колеблется между усилением роли выбранного прямым голосованием Европейского парламента и сильным прагматическим предпочтением межправительственных соглашений, таких как прошлогодний Бюджетный пакт для еврозоны. В немецких дебатах больше внимания стало уделяться важности демократического национального суверенитета, чему поспособствовали решения Конституционного суда. Кроме того, раздаются призывы, адресованные Брюсселю, больше прислушиваться к голосам национальных парламентам.

Немцы, как и все остальные, в своих интеллектуальных дискуссиях жонглируют тремя видами легитимности:

- наднациональной легитимностью, реализуемой через Европейскую комиссию под надзором выбранного в ходе прямых выборов Европейского парламента;
- межправительственной легитимностью, реализуемой через советы ЕС, в которых собраны представители демократически избранных национальных правительств;
- легитимностью, обеспечиваемой национальными парламентами.

То, что в конечном счете будет произведено на «колбасной фабрике» брюссельских переговоров через несколько лет, не будет, наверное, выглядеть так уж благостно и симпатично, и среди авторов будет не только Германия: нас ждет скорее не Федеративная Республика Европа (*Bundesrepublik Europa*), а Священное Содружество Республик (*Holy Republican Commonwealth*).

И вот, пока медленно, с очень низкой отдачей вращаются жернова переговоров по экономической политике и институциональным вопросам, обнаруживается кричащая потребность в поэзии. Европейцы жаждут, чтобы им указали нужное направление движения и цель, чтобы вселили в их души надежду. Однажды

федеральный канцлер Германии уже дал превосходный пример такой провидческой, визионерской политики. Речь идет о Вилли Брандте, который облек свою новую *Ostpolitik* — восточную политику, первоначально известную как «политика малых шагов» (совсем в духе Меркель), вдохновляющей риторикой. «Немцы, — заявил он, — должны быть нацией хороших соседей у себя дома и за рубежом».

Биограф Меркель Штефан Корнелиус отмечает, что у нее много достоинств, но ораторским искусством, заставляющим биться сердца, она не владеет. К сожалению, это

компания проводят заседания советов директоров на английском языке, менеджеры чувствуют себя в Шанхае и Сан-Паулу так же, как в Штутгарте, то есть как дома. Тем временем политический класс Германии, напротив, стал еще более провинциален, чем прежде.

Опять же этот провинциализм частично проистекает из тех ответов, которые были даны на более ранние немецкие вопросы. Поскольку политическая система страны была намеренно децентрализована, политики, как правило, прокладывали себе путь вверх через работу в федеральных землях — *Länder*. Но,

“В последнюю четверть века немецкий бизнес активно действует на глобальном уровне, а политический класс Германии стал еще провинциальнее, чем прежде”.

относится не только к Меркель. Весь немецкий политический класс использует своего рода *Lego*-язык, собирая из «пластиковых» слов стерильные, выхолощенные фразы. Немецкие политики в большинстве своем скорее согласятся персонально слетать на Луну, чем произнести яркую фразу.

Почему это так? Отчасти потому, что в немецком языке много слов-призраков. Как подметил бывший министр иностранных дел Йошка Фишер, можно собрать конференцию молодых лидеров (*young leaders*), но не молодых же фюреров (*junge Führer*)! Я заметил, что немцы часто переходят на английский язык, чтобы воспользоваться словом *leadership* — «лидерство». Из-за Гитлера нынешний словарь немецкой политической риторики намеренно сужен, осторожен и скуден. Давно известно, что талантливые немцы предпочитают заниматься бизнесом или учиться и работать за рубежом. (Из наших выдающихся немецких студентов, обучающихся в Оксфорде, я мог бы сформировать целое правительство.) В последнюю четверть века немецкий бизнес активно действует на глобальном уровне,

можно возразить, ведь и Брандт, и Гельмут Шмидт, и Гельмут Коль тоже продвигались по этой провинциальной лестнице! Всё так, но в отличие от сегодняшних профессиональных политиков они как минимум делали что-то еще, прежде чем стали политиками. Их личности формировались, если взглянуть в континентальной и глобальной перспективе, в горниле опыта двух войн: Второй мировой войны (которую Шмидт прошел солдатом, а Коль пережил подростком) и холодной войны. Так как ответ на вставший после 1945 года вопрос о разделенной Германии можно было найти только в Москве, Вашингтоне, Париже и Лондоне, руководители ФРГ до объединения Германии просто обязаны были мыслить и действовать глобально. Отсюда очевидный парадокс: по мере того как мощь германского государства росла, его политический класс мельчал.

Итак, кто же будет говорить от имени Европы? Начиная с 23 сентября (следующий день после выборов в Бундестаг) европейскую головоломку все активнее придется решать Германии. Но Германия ни объективно, ни субъективно не является достаточно

большой, чтобы решить ее в одиночку. В лучшем случае она может быть первой среди равных. Ее лидерство должно быть сдержанным, открытым для сотрудничества и опираться на тщательно культивируемые отношения как с небольшими, так и с крупными государствами — ведь именно это, в конце концов, является отличительной чертой внешнеполитической традиции Федеративной Республики Германии. И она об этом знает.

Поэтому Германия нуждается в любой помощи, которую она может получить от своих европейских друзей и партнеров. Только вместе мы можем разрабатывать стратегии и создавать институты, но нам необходим также свежий ветер поэзии, который снова наполнил бы паруса корабля под именем «Европа». И ответы на этот новый немецкий вопрос немцы не смогут найти в одиночку. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ BILD-Zeitung. 30.11.2004. В свое время, отвечая на почти идентичный вопрос «Что приходит Вам на ум, когда Вы думаете о Германии?», она пыталась, скорее всего, несколько снизить патриотический пафос журналиста. Мне приходит на ум, ответила она, умеренный климат Германии, благодаря которому «нам не нужна сиеста». Я благодарен Штефану Корнелиусу за то, что он отослал меня к оригиналу, который несколько отличается от версии, приведенной в его книге: Angela Merkel: Die Kanzlerin und ihre Welt. Hamburg: Hoffmann und Campe, 2013. S. 29.

² Лондон пока что идет «на корпус» вперед, потому что, в отличие от Берлина, у него всегда все на месте — политика, бизнес, журналистика, культура, мозговые центры, спорт и вдобавок ко всему еще и английский язык.

³ Цит. по: Der Tagesspiegel. 2013. June 11.

⁴ “BBC Poll: Germany Most Popular Country in the World”.

⁵ См. мою статью: Garton Ash T. Freedom and Diversity: A Liberal Pentagon for Living Together // The New York Review. 2012. Nov. 22.

⁶ Последняя часть фразы (*sufficient unto the day are the German questions thereof*) является, по существу, парафразом фрагмента Нагорной проповеди Иисуса: «*sufficient unto the day is the evil thereof*», рус. «Итак не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем, *довольно для каждого дня своей заботы*», или, на церковнославянском: «*довлеет дневи злоба его*» (Матф. 6, 34). —

Прим. ред.

⁷ Запись разговора, состоявшегося в Западном Берлине 12 декабря 1989 года.

См.: Deutsche Einheit: Sonderedition aus den Akten des Bundeskanzleramtes 1989/90 / H. J. Küsters, D. Hofmann (eds). München: R. Oldenbourg, 1998. S. 638.

⁸ Расчеты Йорге Брага де Маседо и Урхо Лемпинена, процитированные Ристо Пенттила: Germany Calls the Shots // International Herald Tribune. 2013. March 22.

⁹ Речь, произнесенная 19 февраля 1878 года и приведенная в книге: Bismarck: Die grossen Reden / L. Gall (ed.). Berlin: Severin and Siedler, 1981. S. 155. В этой знаменитой речи он сказал, что Германии следует смотреть на себя как на «честного брокера».

¹⁰ См. его речь на WDR Europaforum. 2013. May 15.

¹¹ Хотя, между нами говоря, он мог счесть это просто скучноватым. И остается ли за этими «красивыми и плотно закрывающимися окнами» место доктору Фаустусу? Лодовико Сеттембрини? Лео Нафте? Феликсу Крулю?

¹² Три немецкие средние школы недавно удостоились награды «Ахенский приз мира» за отказ пустить в школу офицеров бундесвера, которые должны были рассказать ученикам о карьерных возможностях, которые открывает служба в вооруженных силах. См.: Die Zeit. 2013. June 20. Я благодарен Марку Лилла за эту информацию.

¹³ Allensbach Institut für Demoskopie, Sicherheitsreport. 2012. Я признателен Занни Минтон Беддос за эту ссылку, на которую я впервые случайно наткнулся в ее специальном репортаже о Германии: Europe’s Reluctant Hegemon // Economist. 2013. June 15.

¹⁴ Schieritz M. Die Inflationsläge. München: Knauer, 2013.